Цориева Инга Тотразовна

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВЕТСКОЙ НАУКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В статье рассматривается проблема восстановления и развития кадрового потенциала научных учреждений и вузов Северной Осетии в послевоенное десятилетие. Автор анализирует влияние идейно-политических факторов на формирование государственной кадровой политики, прослеживает основные подходы к решению задачи подготовки научных кадров в условиях многонациональной республики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 209-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 001.1(091)(470.65)

В статье рассматривается проблема восстановления и развития кадрового потенциала научных учреждений и вузов Северной Осетии в послевоенное десятилетие. Автор анализирует влияние идейно-политических факторов на формирование государственной кадровой политики, прослеживает основные подходы к решению задачи подготовки научных кадров в условиях многонациональной республики.

Ключевые слова и фразы: кадровая политика; кадровый потенциал; политические критерии отбора и аттестации научных кадров; аспирантура; послевоенное десятилетие; Северная Осетия.

Инга Тотразовна Цориева, к.и.н., доцент
Отдел истории
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства РСО-Алания
tsorin@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВЕТСКОЙ НАУКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ©

Огромные безвозвратные потери научных кадров в ходе Великой Отечественной войны на фоне технологического прорыва в важнейших отраслях милитаризованной мировой экономики вызвали во второй половине 1940-х гг. в советской науке острейший спрос на профессиональные кадры исследователей. Освоение атомной энергии, начало эпохи реактивной авиации, открытия в области генетики, кибернетики при отсутствии паритета их развития в условиях нарастания «холодной» войны между Западом и СССР сделали жизненно необходимой задачей советского государства ускоренное наращивание кадрового потенциала на всех уровнях организации науки. Формирование мировой системы социализма также поставило перед научной мыслью в СССР новые аспекты проблем теории и практики социалистического строительства, требовавшие реформационных, конкурентоспособных решений в обществоведении, обновления кадров теоретиков, усиления профессиональной подготовки специалистов во всех отраслях научного знания.

Как и по всей стране, война нанесла огромный урон научной интеллигенции Северной Осетии. Многие научные работники, аспиранты погибли на полях сражений, другие оказались далеко за пределами своей малой родины. Стремясь хотя бы отчасти восполнить понесенные потери, руководство вузов и научных учреждений республики в первые послевоенные годы изыскивает возможности для восстановления кадрового потенциала. При активном содействии местных партийно-советских органов предпринимаются конкретные шаги по возвращению в Северную Осетию оставшихся в живых научных работников, призванных во время войны в Красную Армию и продолжавших службу в различных уголках огромной страны. На протяжении 1946 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б), дирекция Северо-Осетинского научно-исследовательского института вели переписку с Главным политуправлением, Политуправлениями Ставропольского, Северо-Кавказского военных округов с просьбой демобилизовать М. С. Тотоева, А. Г. Кучиева и других из рядов Красной Армии «в связи с острой нуждой в национальных кадрах» [8, д. 317, л. 16, д. 327, л. 2].

Для закрепления имевшихся научных кадров и стимулирования научной деятельности использовалась система материальных рычагов. С 1 апреля 1946 г. были повышены оклады научным работникам. Директору научно-исследовательского института, имевшему ученую степень доктора наук или звание профессора, назначался оклад 4800 руб. в месяц (в ценах соответствующих лет), имевшему ученую степень кандидата наук – 4000 рублей. (Для сравнения: в 1945 г. оклад директора Северо-Осетинского научно-исследовательского института составлял 2000 руб., а зав. отделом без степени – 1300 руб.). Доктор наук, занимавший должность старшего научного сотрудника, получал 2800 руб., кандидат наук – 2200 руб. На 50% повышались должностные оклады и младшим научным сотрудникам, не имевшим ученой степени и звания [3, д. 65, л. 24, 25; 8, д. 361, л. 13]. Ученые получали также гонорары за научные публикации. Так, за один печатный лист текста готовившейся к изданию коллективной монографии «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней» была установлена плата в 2250 рублей [8, д. 340, л. 20].

Острота всеобщего дефицита первых послевоенных лет несколько смягчалась благодаря действовавшей карточной системе. Распределение промышленных и продовольственных товаров среди научных работников происходило по принципу «литерного снабжения», т.е. в зависимости от занимаемой должности, научной степени и звания. В 1945 г. директор Северо-Осетинского НИИ снабжался по списку «в», кандидаты наук или заведующие отделами – по списку «д» и остальные научные сотрудники – по списку «е» [3, д. 65, л. 47].

Активно использовались меры морального стимулирования научной деятельности. В июле 1946 г. руководство Северо-Осетинского НИИ выдвинуло кандидатуру лингвиста-ираниста В. И. Абаева на соискание

© Цориева И. Т., 2012

звания член-корреспондента АН СССР по специальности «Восточная филология» [8, д. 327, л. 1]. В августе 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР известный краевед и литературовед Л. П. Семенов был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За плодотворную педагогическую и научную деятельность» [5, с. 1].

Острая нехватка кадров и имевшийся у многих фронтовой опыт обеспечивали благоприятную почву для быстрого служебного роста. Поколение послевоенных студентов быстро продвигалось по социальной лестнице, занимая почти сразу после окончания институтов довольно высокие посты. Их карьерному росту также способствовали действовавшие в вузах и научных учреждениях аспирантуры. Продолжение образования и занятия наукой становились одним из самых престижных видов деятельности. В общественном сознании формировался образ ученого – авторитетного и уважаемого члена общества.

Вместе с тем, наряду с позитивными процессами, в научном пространстве страны в целом и регионах в частности усиливается идейно-политическая регламентация научной деятельности. С 1946 г. разворачивается кампания по восстановлению политического контроля над интеллигенцией, со временем все больше приобретавшего форму усиленных идеологических проработок. В этой форме выражалось стремление контролировать духовную жизнь общества, подчинить партийному влиянию всю творческую интеллигенцию, вплоть до далеких от идеологии представителей точных наук [4, с. 171].

Ужесточение к концу 1940-х гг. идейно-политического курса в отношении интеллигенции нашло, в частности, выражение во введении с сентября 1948 г. персонального учета научных работников. Тем самым формировалась своеобразная база данных, дававшая представление о научных пристрастиях и научных интересах исследователя, о перемещениях по карьерной лестнице. В карточке учета фиксировались биографические данные, которые позволяли прямо или опосредованно судить о социальном происхождении, о национальной принадлежности, об общественно-политических взглядах человека и т.д. Обладая такой информацией, власть получала реальные рычаги для контроля умонастроений интеллигенции и корректировки поведения творческой личности в нужном ей направлении.

Показателем растущей регламентации общественной жизни, в том числе в научных и учебных учреждениях республики, явились решения V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) (февраль–март 1950 г.), состоявшегося после февральского (1950 г.) постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б)». Пленум подверг резкой критике руководителей этих учреждений за «плохую постановку учебно-воспитательной и политической работы среди студенчества», за «допущение засоренности среди профессорско-преподавательского состава». Незадолго до этого, в 1949 г. директора медицинского и горно-металлургического институтов были сняты с должностей с формулировкой «за крупные ошибки и морально-бытовое разложение». В педагогическом институте была «вскрыта антисоветская подпольная группа» [7, д. 233, л. 28].

Об усилении давления на научную интеллигенцию в Северной Осетии свидетельствовали материалы заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б), состоявшегося 27 мая 1950 г., и принятое по итогам обсуждения постановление «О подборе, расстановке и воспитании профессорско-преподавательских кадров вузов республики». Обсуждению вопроса предшествовал анализ социального состава, политических предпочтений, фактов привлечения к ответственности за политические взгляды преподавателей вузов республики. В справке, подготовленной к заседанию бюро обкома ВКП(б), отмечалось, что из 460 человек профессорско-преподавательского состава вузов республики 25% имели сами или их родственники «серьезные компрометирующие материалы». В перечне компромата значились: происхождение из «зажиточной семьи», связь с «буржуазными националистами», нахождение в плену или на оккупированной территории, наличие судимости по «политической статье», «нахождение родственников за границей» и т.д. [Там же, д. 261, л. 25].

Проводя социальные чистки среди научно-педагогических кадров республики, власть использовала не раз испытанный прием – «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные». Действительно, среди тех, кому было отказано в политическом доверии, оказались многие видные представители научной интеллигенции, внесшие заметный вклад в становление высшей школы и науки в Северной Осетии. Одним из них был профессор Д. А. Тарноградский, признанный ученый, чьи исследования по гидробиологии Северного Кавказа способствовали ликвидации малярии в данном регионе. Но его биографические данные (происхождение из семьи крупного торговца, долгое пребывание и учеба за границей) воспринимались не столь однозначно, как его научные достижения. Заместителю директора Горского сельскохозяйственного института И. С. Грабовскому ставили в вину факт сокрытия принадлежности в 1921-1924 гг. к «Белорусской ассоциации студентов», члены которой были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности. В политической неблагонадежности подозревался преподаватель кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного педагогического института А. Б. Доев, вернувшийся в Северную Осетию после отбытия наказания по 58-й статье (в 1937 г. по этой же статье был осужден его отец, офицер царской армии). Одним из тех, кто к рассматриваемому времени подвергся очередной обструкции, был филолог-языковед Б. А. Алборов, зав. кафедрой того же института, осужденный по обвинению в буржуазном национализме, вернувшийся из ссылки лишь в 1947 г. В 1949 г. он был восстановлен в должности. Однако через некоторое время «вновь допустил антисоветский выпад» и был выслан из республики [Там же, л. 25-30].

В списке неблагонадежных значились и многие другие профессора и преподаватели вузов Северной Осетии: зав. кафедрой поисково-разведочного дела Северо-Кавказского горно-металлургического института

И. П. Шарапов («был связан по научной работе с осужденным по политической статье Крейтером»); зав. кафедрой энтомологии Горского сельскохозяйственного института Г. Б. Бугданов («выходец из зажиточной семьи, восхвалял старую школу и высказывал антисоветские настроения»); заместитель директора Медицинского института Б. М. Брин («непроверенный в политическом отношении») и т.д. [Там же, л. 27, 28, 30].

Культивирование атмосферы подозрительности, проявления «политической бдительности» в определенной степени имели следствием высокую текучесть научно-педагогических кадров. По данным высших учебных заведений республики, в течение 1948-1950 гг. на работу было принято 105 человек и уволено 72 человека. Причем причиной увольнения определенной части сотрудников явился их арест и осуждение на разные сроки заключения [Там же, л. 29, 30].

Активно насаждаемая властью кадровая политика, базировавшаяся на принципе: «освобождение от лиц, не соответствующих своему назначению по политическим и деловым качествам», служила весьма эффективным профилактическим средством для предотвращения проявлений политической нелояльности со стороны наиболее образованных, интеллектуальных слоев общества. При этом совершенно очевидно, что предпочтение политических критериев отбора и аттестации научно-педагогических кадров в ущерб их профессиональным качествам крайне негативно сказывалось на научном, творческом потенциале вузов и действовавших на их базе научных учреждений. Сложившаяся система предпочтительного отбора по социально-классовым и политическим признакам усугубляла проблему острой нехватки научно-педагогических кадров. Решать ее предполагалось за счет привлечения в науку молодежи, в том числе из представителей коренной национальности. Однако отбор для поступления в аспирантуру должен был осуществляться, прежде всего, с учетом политической благонадежности, социальной принадлежности претендентов и лишь затем исходя из уровня их подготовленности, природных способностей и предрасположенности к занятиям научной деятельностью.

Между тем, в 1950 г. на двоих из трех аспирантов горно-металлургического института имелись «компрометирующие материалы». У аспирантки Л. М. Кузнецовой отец служил в 1919 г. в белой армии, В. И. Емекеев в годы войны оказался на оккупированной немцами территории. Большие претензии имелись к ординаторам медицинского института. Отец Н. В. Эреба был репрессирован в 1937 г. Мать А. И. Динензона являлась зав. кафедрой этого же института, а отец находился в заключении. Отец А. Г. Бараковой был арестован в 1936 г., мать – в 1938 г., брат во время войны пропал без вести, а сама находилась на оккупированной территории и т.д. [Там же, л. 33].

Помимо политической составляющей было еще немало проблем учебно-организационного, профессионального характера, значительно осложнявших задачу подготовки профессиональных научных и педагогических кадров. Из-за недостатка квалифицированных научных руководителей, ограниченного круга диссертационных советов в вузах и научных учреждениях, материальной необеспеченности и трудностей иного порядка лишь незначительной части соискателей ученых степеней удавалось защитить диссертацию вовремя. По разным причинам некоторые аспиранты вообще выбывали из аспирантуры до окончания срока обучения. За пять послевоенных лет ни один из окончивших аспирантуру педагогического и горно-металлургического институтов не защитил диссертации. В справке Северо-Осетинского научно-исследовательского института о работе аспирантуры за 1949 г. приведены данные о 19 человеках, завершивших курс обучения. Из них в срок диссертацию защитили лишь четверо. У шестерых научные работы были готовы к защите. Сведения об остальных выпускниках аспирантуры отсутствовали. В 1948 г. аспирантура Северо-Осетинского научно-исследовательского института вообще оказалась перед угрозой закрытия. Министерство финансов РСФСР исключило из сметы института финансирование аспирантов. Сохранить аспирантуру удалось лишь благодаря ходатайству обкома ВКП(б) и Совета Министров СО АССР. Приказом министра высшего образования СССР от 11 июня 1948 г. деятельность аспирантуры Северо-Осетинского НИИ с ежегодным приемом в количестве трех человек возобновилась [7, д. 261, л. 32; 8, д. 352, л. 2, д. 369, л. 32].

К началу 1950-х гг. был превзойден довоенный показатель числа обучавшихся в аспирантурах научных и учебных учреждений республики, хотя разрыв между предвоенным и последним военным годом был огромным. Так, если в 1940 г. в заочной и очной аспирантуре обучалось 60 человек, в 1945 г. в ней насчитывалось лишь 9 человек. Но за шесть послевоенных лет, с 1945 по 1951 г., количество аспирантов в высших учебных заведениях Северной Осетии и научно-исследовательском институте выросло до 63 человек. Из них 92% обучалось в очной аспирантуре [1, с. 123; 6, с. 81].

Подготовка аспирантов осуществлялась и за пределами республики. Совнаркому Северо-Осетинской АССР было дано право выбирать специальности, по которым осуществлялась подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре, в научно-исследовательских учреждениях Академии наук СССР предполагалась организация научной помощи и консультаций. Воспользоваться этими возможностями удавалось редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников [8, д. 308, л. 2]. Тем не менее, последовательная реализация государственного курса на развитие научных кадров давала ощутимые результаты.

К 1956 г. по сравнению с 1940 г. численность научных работников выросла почти в два раза. О количественном и качественном росте специалистов высшей квалификации свидетельствовало изменение соотношения между числом остепененных научно-педагогических кадров и количеством обучавшихся. Если в 1940 г. на одного кандидата или доктора наук приходилось 127 студентов и учащихся, то в 1956 г. –

85 человек, т.е. в полтора раза меньше. За неполные десять лет, с 1947 по 1956 г., численность научных работников и преподавателей со степенью в научных учреждениях, высших и средних специальных учебных заведениях республики увеличилась со 122 до 187 человек, в том числе докторов наук с 17 до 23 человек [1, с. 117; 2, с. 120-121].

Приведенные выше цифры, незначительные в масштабах страны, отражали позитивный ресурс научного развития небольшой республики, немногочисленные научные кадры которой, обескровленные в ходе политических репрессий 1930-х гг., понесли еще большие потери в Великой Отечественной войне. К тому же если учесть сложности в подготовке специалистов высшей квалификации, особые требования идейно-политического характера, которые предъявлялись к научным исследованиям, выносимым на защиту, отсутствие диссертационных советов в вузах и научных учреждениях Северной Осетии, нехватку квалифицированных научных руководителей, то положительная динамика в решении данной проблемы для республики была очевидна.

В целом обобщение приведенных фактов в рамках исследуемой темы позволяет заключить, что проблема восстановления и развития кадрового потенциала науки Северной Осетии в послевоенное десятилетие находилась в центре внимания партийно-государственных органов. Однако в силу системных изъянов организации работы, ее жесткой плановости, идеологических ограничений научного поиска, запрета на определенные исследовательские направления многие научные проекты оставались нереализованными. Кроме того, однобокость милитаризованной экономики обусловливала преобладание приоритетных оборонных отраслей науки и их кадров, а остальные, прежде всего в регионах, ни в научно-техническом плане, ни в позиционировании социальной роли не имели реальных возможностей находиться на передовых рубежах «большой» науки.

Список литературы

1. **Культурное строительство в Северной Осетии**: сборник документов и материалов: в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1983. Т. 2. 350 с.
2. **Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР**: стат. сборник. Орджоникидзе: Госстатиздат (Ростовское н/Д отделение), 1958. 131 с.
3. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований**. Ф. 13. Оп. 1.
4. **Соколов А. К., Тяжельников В. С.** Курс советской истории. 1941-1991. М.: Высш. шк., 1999. 414 с.
5. **Социалистическая Осетия.** 1946. 21 августа.
6. **Текиев В. Д.** К сияющим вершинам. Орджоникидзе: Ир, 1989. 135 с.
7. **Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия – Алания** (ЦГА ИПД РСО – А). Ф. 1. Оп. 6.
8. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания** (ЦГА РСО – А). Ф. 126. Оп. 2.

PROBLEM OF RESTORATION AND DEVELOPMENT OF SOVIET SCIENCE HUMAN RESOURCES IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1950S: BY THE MATERIALS OF NORTH OSSETIA

Inga Totrazovna Tsorieva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History
North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy
of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia - Alaniya
tsorin@mail.ru

The author considers the problem of human resources potential restoration and development in scientific institutions and universities within North Ossetia during the postwar decade, analyzes ideological-political factors influence on the formation of state human resources policy, and determines the basic approaches to the problem solution of scientific human resources training in the conditions of the multinational republic.

Key words and phrases: human resources policy; human resources potential; political criteria for the selection and certification of scientific human resources; postgraduate study; post-war decade; North Ossetia.